

Москва
2017

Guy Mettan

RUSSIE-OCCIDENT
UNE GUERRE
DE MILLE ANS

LA RUSSOPHOBIE
DE CHARLEMAGNE À LA CRISE UKRAINIENNE

ÉDITIONS
— DES **S** —
— SYRTEs

Ги Меттан

ЗАПАД – РОССИЯ:
ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ
ВОЙНА

ИСТОРИЯ РУСОФОБИИ
ОТ КАРЛА ВЕЛИКОГО ДО УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

ПОЧЕМУ ОНИ ТАК ЛЮБЯТ
НЕНАВИДЕТЬ РОССИЮ

Paulsen

УДК 323.12
ББК 66.4
М547

Переводчики

Мария Аннинская: главы 1–3, 9, 10, заключение

Светлана Булгакова: главы 4–8

Юрий Обозный: стр. 95–97, 366–368

Редактор Юрий Обозный

Меттан Г.

М547 Запад – Россия: тысячелетняя война / Ги Меттан;
[перевод М. Аннинская, С. Булгакова, Ю. Обозный].
2-е изд., дополненное. – М.: Паулсен, 2017. – 468 с.
ISBN 978-5-98797-186-4

Книга известного швейцарского журналиста и общественного деятеля Ги Меттана – не научный труд, не политический памфлет и не изобретение «новой истории». Снабженная множеством примечаний и ссылок, опирающихся на источники, и дополненная солидной библиографией, она сознательно лишена всякого академизма и наукообразия. Лучше, чем автор, о книге трудно сказать. «Россия для Запада по-разному в зависимости от исторического периода – но всегда и во всем – была „слишком“: слишком реакционная и самодержавная по сравнению с конституционными монархиями и республиками XIX века; слишком коммунистическая по сравнению с социал-демократией века XX; слишком „по-путински“ консервативная по сравнению с либеральными течениями; слишком ортодоксальная по сравнению с католицизмом и протестантизмом; слишком коллективистская по сравнению с западным культом индивидуализма; слишком большая для одной страны...»

Все эти «слишком» и есть та пропасть непонимания, по обе стороны которой оказались Россия и западные страны.

Книга Ги Меттана – ценный вклад в демистификацию международных отношений.

ISBN 978-5-98797-186-4 (рус.)

ISBN 978-2-94052-318-4 (фр.)

© G. Mettan

© Издательство «Паулсен», 2017

Несколько соображений по поводу книги Ги Меттана

Если мне не изменяет память, я столкнулся с господином Ги Меттаном в Париже в феврале во время «Дней русской литературы». Он – журналист, бывший директор и главный редактор весьма престижной швейцарской газеты «Трибуна Женевы», а ныне глава «Швейцарского клуба прессы». Кроме того, он автор целого ряда книг и политический деятель. Пишу об этом, чтобы читатель изначально понимал, что Меттан – человек весьма подкованный и серьезный, не из тех журналистов, которые, принявшись к политической ситуации, быстренько садятся лепить соответствующее моменту «произведение».

Мое внимание привлекло не столько название книги господина Меттана, которое, признаться, даже показалось мне чуть тяжеловесным, поскольку состоит из трех частей:

«ЗАПАД – РОССИЯ:
ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ВОЙНА.
РУСОФОБИЯ ОТ КАРЛА ВЕЛИКОГО
ДО УКРАИНСКОГО КРИЗИСА»,

сколько подзаголовков, вынесенный на обложку издания:

«ПОЧЕМУ ОНИ ТАК ЛЮБЯТ НЕНАВИДЕТЬ РОССИЮ».

Сочетание «любовь-ненависть» показалось мне гораздо более парадоксальным и поэтому интригующим, к тому же сама тема – отношение Запада к России и к русским – меня занимает давно. Словом, когда господин Меттан обратился ко мне с просьбой написать предисловие к русскому изданию его книги, то я согласился, не задумываясь.

* * *

Много лет тому назад, перелистывая страницы замечательного американского издания, посвященного истории политической карикатуры, я наткнулся на одну, которая до сих пор стоит перед глазами: под развернутым флагом Соединенных Штатов Америки проползает пугающего вида бородатый субъект. В одной руке он держит бомбу с дымящимся фитилем, в другой держит нож; на голове у него шапка-ушанка, на которой написано «Большевик». То, что он – русский, очевидно. Карикатура появилась в 1918 году, это явный «отклик» на захват большевиками власти в России или, в зависимости от ваших политических воззрений, на Великую октябрьскую социалистическую революцию. Но как бы вы ни относились к этому событию и как бы вы ни называли его, невозможно уйти от важнейшего факта: оно, это событие, разделило мир пополам почти на восемь десятилетий. Когда американский журналист Джон Рид назвал то, что произошло тогда в Петрограде, «десятью днями, которые потрясли мир», он ни на йоту ничего не преувеличил. Да, мир вне всякого сомнения был потрясен, и даже сегодня, когда возникшего в результате той революции государства нет уже четверть века, от ее эха мир все еще трясется.

Крайне негативная реакция Запада на возникновение СССР абсолютно понятна. И дело, как мне кажется – вернее, не кажется, потому что я в этом абсолютно убежден, – не в советской системе, не в преступной античеловеч-

ности сталинского режима, не в полном отсутствии даже намек на соблюдение элементарных норм прав человека, не в ГУЛАГе и миллионах его жертв, нет, не в этом дело. Я бы даже позволил себе заметить, что для Запада (и не только для него) права человека на самом деле служили и служат прежде всего политическим инструментом обработки общественного мнения. Есть на английском языке такой термин: «buzz word». Его невозможно адекватно перевести. Я объяснил бы его так: это слово или словосочетание, которое действует на человека так, как звонок действовал на собак Павлова: у них выделялась слюна. У собак выработывался условный рефлекс: звонок-мясо-выделение слюны, многократный повтор чего ведет к тому, что, услышав звонок, собака начинает выделять слюну безо всякого мяса. Мы, люди, ничем от собак не отличаемся, только в данном случае «звонком» для нас служит словосочетание «права человека». Это и есть «buzz word», «слово-звонок».

Возвращаясь к сказанному выше: Западу на самом деле безразлично то, как обстоят дела с правами человека. Я утверждаю это на том простом основании, что дела с этими правами обстоят куда как плохо во множестве стран Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки, но Запад по этому поводу, уж извините за жаргонное выражение, не парится.

Позволю себе сослаться на апокрифическую историю о том, будто, говоря о диктаторе Никарагуа Сомосе, президент Франклин Рузвельт сказал: «Сомоса – сукин сын, но он *наш* сукин сын». Действительно ли принадлежат эти слова Рузвельту или же другому американскому президенту, большого значения не имеет, важно лишь то, что это абсолютно точно отражает в высшей степени циничное отношение к святому понятию прав человека: если нарушает их «наш» сукин сын, то мы посмотрим в другую сторону, а вот если не наш...

Так вот, Запад не потому был враждебен СССР (читай – России, поскольку для Запада никакой *принципиальной*

разницы между этими двумя понятиями не было), что там подавлялись права человека. Враждебность имела куда более серьезные основания, а именно: эта новая политическая система, покончив с частной собственностью на одной шестой части земной суши, призвала покончить с ней повсюду. Пройти мимо этого было совершенно невозможно. Равно как и мимо того, что собирались добиваться этого именно русские, именно русские угрожали тому, что на Западе почиталось святым и неприкосновенным. Так что страшный мужик в ушанке, с ножом и дымящейся бомбой, проползающий под звездно-полосатым стягом, олицетворял собой *русского*, которого бояться надо больше чумы.

Но здесь возникает пикантный момент: фобия не бывает ни рациональной, ни оправданной, чего нельзя сказать о страхе Запада перед «красной угрозой». Этот страх не был фобией, это была реакция, основанная на трезвой оценке угрозы, исходившей от Советской России, а коль скоро так, то называть это русофобией никак нельзя. Однако господин Меттан говорит о «тысячелетней войне» Запада против России, и это, конечно, нечто совсем другое. Автор видит истоки этой войны в расколе христианской церкви на две части: католицизм с центром в Риме и православие с центром в Константинополе. Но если падение Римской империи никак не ослабило значения Рима – центра католицизма, то падение Константинополя решительно перенесло «крепость» православия в Третий Рим, то есть в Москву. Противником, конкурентом Священной Римской империи стала не Византия, а Россия. Там и зарыта собака, как считает господин Меттан.

Думаю, что он прав... отчасти. Потому что в противостоянии Запад – Россия роль сыграли и другие факторы, среди которых главным я бы назвал татаро-монгольское иго, отрезавшее Россию от остального мира на два с половиной века. Давайте вспомним, что до татаро-монгольского нашествия Киевская Русь не только широко торговала со странами, которые мы сегодня называем Западной Европой.

Давайте вспомним, что сама Киевская Русь в немалой степени была сформирована Рюриковичами, представлявшими собой вполне «западное» течение. Наконец, давайте вспомним тех княжых дочерей, которые выходили замуж за французских, датских и прочих монархов. Все это никак не говорит о какой-либо «фобии», не говоря о войне. Но вот опускается занавес — не железный, конечно, но вполне непроницаемый, — и Россия как бы исчезает, ее с точки зрения Запада того времени как бы нет. Проходят почти три века, татаро-монгольское ярмо сброшено, и вот любопытствующие и ищущие богатства купцы начинают приезжать в далекую Московию. И, приехав, столбенеют от удивления. Потому что обнаруживают страну, жители которой внешне совершенно такие же, как они сами, но порядки которых абсолютно иные.

Об этом, в частности, пишет англичанин Джайлз Флетчер, который одним из первых описывает «странных» русских.

Андрей Сергеевич Кончаловский, будучи однажды гостем моей программы, довольно остроумно заметил, что вся наша беда заключается в том, что мы слишком «на них» похожи. Вот если бы мы были, например, синего цвета или в крапинку, то «они», то бишь Запад, не ожидали бы, чтобы мы вели себя, как ведут себя они. Они, продолжал он, не ждут этого от китайцев или японцев, от арабов или жителей Африки. Почему не ждут? Да потому, что те на них не похожи. Поэтому к ним нет претензий. А вот мы похожи...

Этот взгляд пахивает чуток расизмом, но ему нельзя отказать в определенной справедливости.

Часто, когда говорят о русофобстве, ссылаются на книгу маркиза де Кюстина («Россия в 1839 году»), но, как мне кажется, напрасно. Ведь де Кюстин приехал в Россию по двум причинам: во-первых, он хотел переплюнуть маркиза де Токвиля, книга которого, «Демократия в Америке», составила ему невероятную популярность и славу, которым де Кюстин страшно завидовал; во-вторых, в пику

де Токвилю, который поехал в Америку, чтобы выяснить, почему демократия оказалась сильнее монархического строя, де Кюстин поехал в Россию, чтобы на ее примере доказать обратное, превосходство монархии над демократическим сбродом. Он ехал в Россию с самыми лучшими намерениями, но надежды его были совершенно развеяны российской действительностью, настолько, что де Кюстин позволил себе совершенно немислимое признание: если выбирать между тем, что я увидел в России и презираемым мною демократическим устройством, я предпочту последнее.

Мне важно довести до читателя мысль, что Россия не является невинной жертвой несправедливой и навязанной ей Западом войны и что если Запад «любит ненавидеть» Россию, то эта «любовь» возникла не на пустом месте, не говоря о том, что это «улица с двухсторонним движением».

Вместе с тем, сказанное мной несколько не принижает значение книги господина Меттана. С моей точки зрения, эта книга прелюбопытная и важная, потому что ее автор решил проследить тему, о которой никто особо никогда предметно не говорил. Подчеркиваю, предметно, а не вообще, как принято сегодня в России, когда обвинение всех и вся в русофобии стало общим местом. Книга господина Меттана представляет собой серьезное и аргументированное журналистское расследование, с фактами которого не поспоришь (хотя ряд выводов как раз представляются мне спорными).

Как говорится, в каждой шутке – доля шутки, не бывает дыма без огня, ничего просто так, безо всякой причины, не бывает. Я не сомневаюсь в том, что эта книга заставит многих задуматься, по-новому посмотреть на многие события и засомневаться в истинах, которые они принимали, как само собой разумеющиеся.

Хорошего вам чтения!

Владимир Познер

Предисловие редактора русского перевода ко второму изданию

Оригинал книги Ги Меттана на французском языке (*Guy Mettan, «Russie-Occident, une guerre de mille ans. La russophobie de Charlemagne à la crise ukrainienne». Genève, Éditions des Syrtes, 2015*) вышел весной 2015 года и тогда же был представлен в Женеве на Международной книжной ярмарке. Как было запланировано загодя и вне всякой связи с данной книгой, Россия была на этом мероприятии страной – почетным гостем, поэтому на ярмарку десантировалась большая российская делегация, что значительно подогрело интерес франкоязычной публики к теме отношений России и Запада.

Рассказ Ги Меттана о своей книге в рамках одного из многочисленных круглых столов на российском стенде сопровождался мини-демонстрацией с выкриками и плакатами на русском и французском языках «Позор!», «Хватит лгать!», «Вы повторяете тезисы Москвы»... «Трудно относиться к этому происшествию серьезно, хотя я старался расслышать хоть какую-то конкретную критику, чтобы разобраться в ней. Я писал книгу по западным источникам, т. к. русским языком не владею в достаточной степени», – отреагировал автор, пытавшийся завязать дискуссию с манифестантами, действовавшими по принципу «Я книгу не читал, но осуждаю» (до ярмарки книга в широкую продажу не поступала).

В действительности реакция читателей оказалась положительной, что было несколько неожиданно как для самого автора, так и для его издателя. Быстро разлетелся первый, гигантский по швейцарским меркам для подобной литературы, полуторатысячный тираж. Спешно были допечатаны еще три тысячи экземпляров, а в 2017 году вышло второе издание книги.

Автору сразу же стали поступать предложения о переводе. Наше русское издание, представленное в Москве в мае 2016 года, оказалось не первым – нас немного обогнали итальянцы. Впоследствии вышли переводы книги на английский, сербский и шведский, в настоящее время продолжается работа над переводами на китайский и другие языки.

Автор, описывающего истоки русофобии во Франции, Германии, Великобритании и США, некоторые обвинили в том, что он не посвятил своей собственной стране отдельную главу. При этом старательно замалчивался тот факт, что речь идет о переводе книги, написанной швейцарцем для швейцарцев, которым не нужно долго и подробно объяснять, что русофобии в Швейцарии нет и не может быть в принципе.

Дело здесь не в некоей исторической благодарности за то, что современная нейтральная Швейцария во многом обязана самим своим существованием лично императору Александру I и позиции России на Венском конгрессе в 1815 году, а в весьма холодном прагматическом расчете.

Коль так сложилось, что Швейцария стремится играть на мировой арене роль «честного маклера», неплохо живущего в том числе за счет посредничества в улаживании споров сильных мира сего, у нее нет другого выбора, чем постоянно находиться «над схваткой». Иными словами, она должна не выказывать никому предпочтения и сторониться всяческих фобий, по национальному, религиозному и любому другому признаку – по крайней мере на уровне государственной политики.

«Русофобия, как и любая другая фобия, противоречила бы прежде всего нашим собственным национальным интересам как нейтрального государства. Пока Швейцария существует в ее нынешнем виде, здесь по определению не может быть места русофобии. При этом, даже если русофобские заявления делают отдельные представители политических партий, деловых кругов или СМИ, в Швейцарии русофобия не становится ни концепцией, ни идеологией, ни даже тенденцией, она не приобретает популярность у широких слоев населения», – поясняет Ги Меттан иностранным читателям вещи, абсолютно очевидные для самих швейцарцев.

Сама жизнь зимой 2017 года замечательно проиллюстрировала эти слова.

К 60-летию юбилею Ги Меттан, половину жизни изучающий Россию и по крайней мере в течение 20 лет активно способствующий углублению взаимопонимания между Швейцарией и РФ, был награжден российским орденом Дружбы. Будучи действующим членом парламента кантона Женева, он должен был получить у коллег-депутатов разрешение на принятие награды иностранного государства.

Между прочим, в свое время «пророссийские» взгляды нисколько не помешали Ги Меттану четырежды избираться в кантональный парламент и даже поработать его спикером (председателем), имея второе гражданство РФ, о чем всем давно было прекрасно известно.

В ожидании вердикта почти месяц франкоязычные СМИ Швейцарии с упоением смаковали сложившуюся пикантную ситуацию, не преминув упомянуть, среди прочего, и данную «скандальную» книгу, и задавали вопрос, откажется ли Меттан от депутатского мандата, если парламент не разрешит ему принять «медаль от душителя свободы слова Путина».

Само заседание женевого Большого Совета, посвященное награждному вопросу, больше напоминало парла-

мент какой-нибудь восточноевропейской станы. Во время прений до драки не дошло, но некоторые депутаты прямо с мест пели песни и бросали обрывки фраз на русском языке, ставя в тупик франкоязычных стенографисток, шуточно обращались к спикеру «атаман». А по выступлениям казалось, что вот-вот по отношению к самому Меттану посыплется выражения наподобие «литературного власовца», предавшего демократические идеалы своей швейцарской родины.

Один крайне левый депутат заявил, что в Женеве и так уже 29 тысяч собак носят медаль (идентификационный жетон) и еще одна, «от преступного режима», Женеве не нужна. А «зеленый» депутат Франсуа Лефорт, предку и тезке которого в 2006 году в Женеве был установлен памятник по инициативе... Ги Меттана, рекомендовал коллегам разрешение на российский орден не выдавать в знак протеста против притеснений в РФ лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

В конце концов с перевесом в один голос согласие на «дружбу с Путиным» было выдано. Но является ли эта история, немало изумившая и позабавившая избирателей, судя по их комментариям к статьям в местных СМИ и по их постам в соцсетях, реальным проявлением русофобии? Скорее, ее можно считать эпизодом местечковой политической борьбы, самопиаром или сведением личных счетов.

Вернемся к нашему переводу. Обычно ко второму изданию ставится приписка «исправленное и дополненное».

В нашем случае второе издание действительно дополнено, в частности, разделом о Швейцарии, эпизодом со Всемирным антидопинговым агентством (WADA), обвинившим Россию в создании государственной программы поддержки допинга, а также некоторыми соображениями по поводу отношения к России недавно избранного президентом США Дональда Трампа.

Исправлять же оказалось практически нечего. Из шквала негодования, обрушившегося на автора книги фактиче-

ски только за то, что он замахнулся на тему русофобии, не удалось вычленить предметную критику.

Кстати, важно не упускать из виду и вторую тему книги: опираясь на богатейший профессиональный опыт, приобретенный в том числе на посту главного редактора влиятельной газеты *Tribune de Genève*, Ги Меттан раскрывает на примере русофобии различные универсальные методики и технологии, которыми пользуются профессиональные дезинформаторы в политической сфере.

Несмотря на диплом по международным отношениям Женевского университета и весьма глубокое религиозное образование, полученное автором в его родном кантоне Вале (цитадели швейцарского католицизма), эта книга с сознательно полемическим названием – не исторический труд и не теологический трактат, хотя и имеет важную религиозную составляющую.

Перед нами – своеобразное журналистское расследование для широкого читателя, написанное в живой, увлекательной форме, которое нелепо оценивать по академическим канонам, как это пытались делать некоторые критики.

Будет ли продолжение у этой книги, ставшей бестселлером в нескольких странах?

С одной стороны, автор блестяще справился с задачей, которую сам себе определил: *«В надежде если не сломать, то хотя бы сделать менее непреступной стену предрассудков я взялся за этот труд и погрузился в сложные, запутанные, но чрезвычайно увлекательные глубины истории, чтобы проследить, когда зародились и сформировались искаженные представления Запада о России»*.

С другой стороны, можно было бы продолжить методично пополнять список все новых проявлений русофобии и отражать роль в этом западных СМИ, с которыми автор после 40-летней карьеры в журналистике знаком очень хорошо. Только вот это становится все менее и менее увлекательно.

В старые добрые времена русофобия использовалась в политике с определенным изяществом и виртуозностью,

в которых действительно любопытно разбираться тем, кто интересуется международными отношениями. А сейчас становится совершенно очевидно, что искусственно нагнетаемой русофобией топорно пытаются прикрыть то дипломатический авантюризм, то экономический бандитизм (недобросовестную конкуренцию), то внутривнутриполитическую борьбу в разных странах, не имеющую отношения к России, а то и просто неприязнь к нынешнему политическому режиму в стране.

Так как при всем желании к России и ее руководству не получается применить грубую физическую силу, остается действовать иными методами, которые ввиду их примитивной прямолинейности даже нельзя назвать византийскими.

Впрочем, на фоне колоссального дефицита серьезной политической аналитики, которая при (со)участии СМИ подменяется, по меткому выражению Ги Меттана, «русофобией»¹, списывать на Россию все проблемы становится все труднее. По крайней мере в Европе, жители которой немного знакомы с настоящей, а не альтернативно-реальной и пост-взаправдашной Россией благодаря географической, исторической и культурной близости или даже единству – несмотря на тысячелетнюю «войну» от Карла Великого до украинского кризиса и далее...

*Юрий Обозный,
Женева, август 2017 г.*

1. См. прим. 1 на стр. 19

ЗАПАД – РОССИЯ:
ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ
ВОЙНА

От автора

Русофобия или «русофолия»¹?

Современное западное образованное общество (а оно то и диктует) – на самом деле мало терпимо, и даже особенно – к общей критике себя, все оно – в жестком русле общепринятого направления; правда, для обуздания противящихся действует не дубиной, а клеветой и зажимом через финансовую власть. И – подите пробейтесь через клубок предвзятостей и перекосов в какой-нибудь сверкающей центральной американской² газете.

*Александр Солженицын.
Наши плюралисты. 1982*

Эта книга является одновременно результатом многолетнего профессионального опыта и реакцией на украинский кризис 2014 года.

Начиная с первых недель моей журналистской практики в «Журнал де Женев», авторитетной и вполне либе-

1. «Русофолия» – авторский неологизм, в котором обыгрывается созвучие во французском языке слов «фобия» и «фолия» – фр. *folie*, букв. помешательство, паранойя, мания, бред. – *Прим. ред.*

2. А. Солженицын написал эти строки уже после своего переезда из Европы в США. Несомненно, рассуждая об американской прессе, он имел в виду в целом все западные, в т. ч. европейские, СМИ, с которыми он мог хорошо познакомиться в первые годы после высылки из СССР, проведенные в основном в Швейцарии.

ральной газете, ныне уже не существующей, я понял, что такое двойные стандарты, применяемые западной прессой и западными лидерами по отношению к странам или политическим режимам, которые им не по вкусу. Весной 1980-го – я едва успел освоиться на новом рабочем месте – в Женеве открылось заседание Всемирной антикоммунистической лиги³. Погода на выходные ожидалась хорошая, и штатные журналисты не рвались присутствовать на этом мероприятии. В результате туда отправили меня – стажера. На встрече собрались самые свирепые диктаторы и палачи планеты, посланцы Аугусто Пиночета и аргентинских генералов, корейцы, тайваньцы и представители других азиатских диктатур, коих тогда было великое множество. Все они крайне неловко чувствовали себя в гражданском, как герои дешевых сериалов, прятали глаза за стеклами темных очков, и мне казалось, что на их лбах все еще виден след от военной фуражки, снятой накануне. Вернувшись в редакцию, я честно изложил все, что видел и слышал, а поскольку было воскресенье, никто не стал вычитывать мой материал, и он пошел в печать как есть.

Какова же была оторопь моих начальников на следующее утро! Меня вызвали на ковер и устроили разнос. Откуда же мне было знать, что одним их крупнейших акционеров газеты является швейцарский представитель этой самой Всемирной антикоммунистической лиги? Мне следовало бы понимать, что диктаторы бывают разные, что диктатура диктатуре рознь. Бывают хорошие диктатуры – во главе их стоят прозападнически настроенные генералы. А бывают плохие – они свирепствуют в России и в Восточной Европе. Нельзя также говорить, что «диктаторы бросают в тюрьмы инакомыслящих и применяют пытки к политзаключенным».

3. Всемирная антикоммунистическая лига (ныне Всемирная лига за свободу и демократию) – международная организация ультраправой направленности, основанная в 1966 году, целью которой являлось «сдерживание и отбрасывание» коммунизма всеми возможными методами. – *Прим. ред.*

Надо формулировать иначе: «Это защитники свободного мира, который они охраняют от коммунистической заразы».

Таков был мой первый урок.

Несколько лет спустя, 19 ноября 1985 года, в Женеве состоялся первый саммит Рейгана и Горбачева. После войны во Вьетнаме, после ввода советских войск в Афганистан, после истории с размещением в Европе американских ракет средней дальности, после стратегической оборонной инициативы Рональда Рейгана, с которой он выступил в марте 1983 года, это была первая встреча восточного и западного лидеров. Кроме того, из России впервые приехал молодой глава государства, привезя с собой симпатичную, представительную жену, которая тут же заняла место на обложках глянцевого журналов и сама быстро купилась на эту иллюзорную популярность. В тот день мне исполнилось 29 лет, и я как сейчас помню окрылявшие меня надежды. Но вместе с тем меня не покидало ощущение ирреальности происходящего. Встречались два блока, и закоснелым оказался совсем не тот лидер, от которого ждали закоснелости.

Наиболее гибким, наиболее готовым к уступкам и идеологическим жертвам – пусть даже это была мера вынужденная – оказался не американский президент, а советский генсек. Для Горбачева договор был, что называется, дороже денег. Он не понял, что для Рейгана договор – лишь промежуточный этап и что «правовое государство», о котором столько кричат западные юристы, не более чем красивое выражение. Во-первых, при чем здесь государство – ведь речь не идет о чем-то статичном и неизменном? А во-вторых, это самое право не является раз и навсегда установленным и неизменным – напротив, оно постоянно меняется, виляет, выбирая окольные и непредсказуемые пути, в зависимости от интересов правящих группировок и доминирующих интеллектуальных тенденций определенного исторического момента. Совершенно в англосаксонском духе правовая система отражает не столько принципы, сколько конъюнктуру.

По сути, для Запада право – это меняющееся понятие, актуальное лишь на сегодняшний день, потому что завтра оно устареет. Оно удобно, чтобы вести войну и завоевывать новые территории невоенными средствами. Оно не является самоцелью, а отвечает известному постулату: «Все что мое – мое раз и навсегда, все что твое – подлежит обсуждению». Горбачев так и не понял этой истины и впоследствии, в 1991 году, повторил ту же ошибку, выведя советские войска из Восточной Европы в ответ на устное обещание, что НАТО не будет вводить туда свои войска. Прошло несколько лет, и вся Восточная Европа оказалась в руках НАТО, которое добралось даже до Грузии и Афганистана – территорий, удаленных от Северной Атлантики на тысячи километров. Так я на практике убедился, что добрые намерения редко приводят к правильной политике.

Это был мой второй урок.

Благие намерения в Сараево

Четыре года спустя после падения Берлинской стены, в сентябре 1993 года, будучи главным редактором газеты «Трибюн дё Женев», я приехал в Сараево вместе с делегацией журналистов из разных стран. Целью поездки было поддержать независимость газеты «Освобождение» и защитить ее от сербов. В этот период США и ЕС под лозунгом о праве наций на самоопределение решили поменять существующие границы и спровоцировать раскол югославского союза, мало заботясь при этом о мнении составляющих его народов. Слово сочетание «неприкосновенность границ» еще не вошло в западный лексикон, поэтому всем казалось абсолютно правильным перекроить карту Центральной Европы, от Чехии до Македонии, нарушив союз народов, живших доселе под одной крышей. Но это было задолго до того, как события на Украине и в Крыму заставили западных юристов интерпретировать международное право совершенно в ином ключе.

Итак, в 1993-м тон задавала группа влиятельных парижских интеллектуалов и несколько видных представителей французской и европейской прессы. Все они тогда в один голос кричали о праве на вмешательство в конфликт и о необходимости остановить «сербских варваров». История показала, что этим пророчествам суждено было сбыться два года спустя в Сребренице. Но в 1993-м сербы были всего лишь воинствующими националистами, такими же, как все, не лучше и не хуже, и было еще не поздно заключить международное соглашение, чтобы мирно и справедливо разрешить этот конфликт и избежать кровопролития.

Так вот, облачившись в каски и пуленепробиваемые жилеты, мы отправились в полуразрушенное после бомбежек здание газеты, ставшей символом сопротивления «варварам», оплотом журналистской независимости и защитником идеи многоэтнического государства. Нам устроили встречу с журналистами и несколькими еще оставшимися в редакции сербами и хорватами, окруженными плотным кольцом боснийских офицеров-мусульман. Само собой разумеется, они как «Отче наш» отбарабанили все, что мы хотели от них услышать, так что все остались очень довольны. Никому даже в голову не пришло, что мы сыграли на руку службе пропаганды боснийского президента Изетбеговича, выпустившего в 1970 году книгу «Исламская декларация» и активно насаждавшего в Боснии ислам.

После этого фарса я решил первым же самолетом СООНО (FORPRONU)⁴ улететь в Италию. «Освобождение», самая крупная газета Сараево, которая доселе воплощала независимость и многоэтническую идею, превратилась в карикатуру, стала выражать интересы Боснии и вести пропаганду, которую в те времена еще не называли мусульманской. Мы же, журналисты, пытаюсь защитить погранные

4. СООНО (Силы Организации Объединенных Наций по охране) – миротворческая миссия Организации Объединенных Наций на территории стран бывшей Югославии, действовавшая в 1992–1995 годах.

свободы, стали пособниками одного лагеря против двух других. Из нас сделали боевое оружие, в то время как мы, напротив, должны были разоблачить обман и беспристрастно выслушать все стороны. Мы позабыли о том, что для торжества истины нужно, чтобы сначала прозвучали все правды; и что пресса должна остерегаться нравоучительных позиций и высказываний, потому что чаще всего они прикрывают интересы тех, кто не хочет быть назван.

Это был мой третий урок.

Четвертый урок был более личным. В 1994 году, в самый разгар кризиса, последовавшего за развалом Советского Союза, так получилось, что мы удочерили маленькую русскую девочку. Она была родом из Суздаля, звали ее Оксана, а нашли мы ее во владимирском детском доме, в 180 километрах от Москвы. Ей было три года с небольшим. Ехали мы за ней хмурым декабрьским днем, бушевала метель. Это было самое волнующее событие в моей жизни. В результате, по закону, принятому при Ельцине, я получил российское гражданство. Это совершенно изменило мое отношение к России. Если раньше мной руководило любопытство, что же будет в этой стране в посткоммунистическую эпоху, то теперь я почувствовал мою причастность ко всему, что здесь происходит. Я пришел к заключению, что для того, чтобы беспристрастно судить об этой стране – как и о любой другой, – надо перестать ее ненавидеть и начать хоть немножечко ей сопереживать.

Таков был четвертый урок.

Оказавшись в этом новом привилегированном положении, я начал более критично относиться к репортажам моих коллег о событиях в Югославии и в России. Я был как громом поражен, когда обнаружил, сколько предрассудков, сколько банальностей и предвзятых суждений формируют мнение основной массы западных СМИ. Чем больше я ездил по миру, чем больше разговаривал с людьми и читал, тем более глубокой виделась мне пропасть непонимания, разделявшая Западную Европу и Россию.

Солженицын, человек, который слишком любил Россию

В 90-е годы я был изумлен тем, как Запад повел себя по отношению к Солженицыну. Несколько десятков лет подряд мы публиковали его, прославляли, курили ему фимиам как предводителю диссидентского движения. Пока он критиковал коммунистическую Россию, мы превозносили его до небес. Но когда он эмигрировал и вместо того, чтобы участвовать в антикоммунистических коллоквиумах, предпочел уединиться в Вермонте и работать, западные СМИ и университеты от него отшатнулись.

Их кумир перестал соответствовать образу, который они себе сотворили. Он стал мешать их академическим и журналистским карьерам. Когда же Солженицын вернулся в Россию и там встал на защиту униженной и растерянной Родины, пущенной с молотка, и к тому же поднял голос против «западников» и либеральных плюралистов, отступившихся от России ради того, чтобы таскать куски пожирнее из капиталистической кормушки, на него спустили всех собак. Он превратился для Запада в выжившего из ума старика – хотя он-то как раз несколько не изменился и с тем же рвением стал критиковать пороки рыночного тоталитаризма, с которым прежде критиковал пороки тоталитаризма коммунистического.

Его поносили, презирали, обливали грязью – и зачастую это делали именно те, кто приветствовал его первые выступления. Он же, всем ветрам назло, против самых сильных мира сего, пытавшихся преградить ему путь, защищал всегда одну и ту же идею: он горой стоял за Россию. Ему не простили, что он обратил свое перо против Запада, оказавшего ему гостеприимство и полагавшего, что писатель теперь обязан ему по гроб жизни – хотя Солженицын всегда делал одно и то же: исполнял свой долг. Диссидент единожды – диссидент навеки, таков его девиз. Про это следует помнить.

Вскоре произошли другие события, заставившие меня насторожиться. Случилось это в 1993-м, в начале ельцинского правления, когда вся западная пресса аплодировала, наблюдая, как танки стреляют по российскому парламенту. А потом – когда крупнейшие российские физики вынуждены были закрыть свои лаборатории и пойти торговать гамбургерами в «Макдоналдс», потому что им нечем было платить за квартиру. И еще когда западные «эксперты» встали на защиту исламских террористов, ополчившихся на русских в Чечне и убивавших заложников. При этом, когда те же террористы взорвали башни-близнецы в Нью-Йорке и перекрыли Западу восточную нефть, «эксперты» возмутились до глубины души. Более того, наши массмедиа носили на руках постсоветских олигархов, присвоивших природные богатства своих стран, чтобы затем продать их на Запад «во имя демократии и свободы торговли» – а на самом деле для того, чтобы на вырученные деньги прикупить себе английский футбольный клуб или поучаствовать в президентской гонке (приблизительно так же дела обстояли и на Украине, как, например, в случае с премьерским креслом Юлии Тимошенко).

И России, и Западу не на пользу такие огульные суждения и то, в каком карикатурном, оскопленном виде доходит до них информация друг о друге. Например, когда в 2014-м на Майдане вспыхнул мятеж, переросший в государственный переворот, а затем и в гражданскую войну, западные СМИ отреагировали на это новой истерикой, адресованной России. Тогда я понял, что не могу молчать, не могу оставить без ответа отвратительные речи обвинителей, мотивирующих свои нападки необходимостью реакции на «пропаганду» российских СМИ.

В надежде если не сломать, то хотя бы сделать менее неприступной стену предрассудков, я взялся за этот труд и погрузился в сложные, запутанные, но чрезвычайно увлекательные глубины истории, чтобы проследить, когда зародились и сформировались искаженные представления

Запада о России. Начал я с эпохи, когда Карл Великий разорвал отношения с Византией.

Русофобия, прочно укоренившаяся в западных правительствах и редакциях западных газет и разросшаяся сегодня до истерики и безумства, не является чем-то вечным и незыблемым. Именно это я постараюсь показать в данной книге, единственная цель которой – убедить читателей, что не обязательно ненавидеть Россию, чтобы вести с ней диалог.

Уточним заодно – хотя это само собой разумеется, – что данное исследование ни в коем случае не направлено против Запада. Понять истоки ненависти к России вовсе не значит отрицать такие достижения цивилизации, как демократия, свобода и права человека, которые Запад отстаивал со времен Французской революции. Это также не подразумевает никаких восторгов по отношению к путинскому режиму. Критика недостойной политики Запада вовсе не равносильна оправданию промахов России.

Так что не следует думать, будто книга, которую вы держите в руках, – памфлет, направленный против Америки и Европы, воспроизводящий в зеркальном отражении стратегию двойного подхода, типичную для наших СМИ, и противопоставляющий «хорошую» Россию «плохому» Западу. Задача, стоящая перед автором этой книги, – проследить историю развития отношений между Западом и Россией во всей их сложности и воздать должное десяткам миллионов русских, которые вот уже 25 лет как пытаются построить у себя демократию – но демократию не импортированную, а выстраданную изнутри – и восстановить экономику, разрушенную приватизацией. А также сделать возможным собственное будущее – не навязанное другими странами, а являющееся продолжением русской истории.

Ко всему прочему, если эта книга местами безжалостно критикует средства массовой информации, то это вовсе не значит, что она написана против журналистов. Сотни тысяч

журналистов по всему миру добросовестно трудятся в редакциях газет и журналов. Но они и сами понимают свою беспомощность и уязвимость перед хозяевами СМИ, которые не в состоянии защитить их от прессинга влиятельных сил, экономических структур и политических лидеров. Журналист образца 2016 года постоянно боится потерять работу. Он не в силах сопротивляться требованиям политкорректности и установкам информационных агентств, он вынужден подавать свой материал так, чтобы он не противоречил бытующим представлениям и ожиданиям правящих группировок. Времени у него мало, независимость его эфемерна, он подчиняется силе привычки и ободряющему чувству растворения в массе. В этом он сродни тем политикам, для которых быть правым в одиночку равносильно смерти, зато быть неправым, но вместе со всеми, по крайней мере, гарантирует им политическую жизнь.

Если бы моя книга, показывая непреодолимость предрассудков, унаследованных от прошлых эпох, помогла остановить эту подспудную войну, эту тысячелетнюю неприязнь, которая гложет Запад изнутри, лишая его огромной части самого себя, цель была бы достигнута. Взглянув на себя со стороны, мы должны, наконец, понять, что Запад – это не только Соединенные Штаты и Евросоюз. Это даже не территория от Португалии до Урала, как говорил генерал де Голль. Нет, Запад простирается от Атлантики до Тихого океана.

Эта книга состоит из трех частей. Первая часть показывает на конкретных примерах, насколько сильны на Западе предвзятые антирусские настроения. Первая глава этой части посвящена русофобии. Во второй речь пойдет о ее проявлениях во время недавних событий, таких как авиакатастрофа над Юберлингеном, захват заложников в Беслане, война в Осетии и Олимпийские игры в Сочи. Из третьей главы вы узнаете, как во время украинского кризиса западные средства массовой информации отказались беспристрастно излагать факты, осмысливать происходя-

щее и высказывать мнения, противоречащие официальной версии.

Вторая часть книги посвящена историческим, религиозным, идеологическим и геополитическим причинам, породившим ненависть к России, и тем формам, которые эта ненависть принимала. Книга прослеживает историю русофобии разных европейских народов на протяжении тринадцати веков – точнее, с того момента, как Карл Великий получил титул римского императора. От церковной и имперской борьбы за власть между Карлом Великим и папой римским – до зарождения русофобии у французов, англичан, немцев, а вслед за ними и американцев. Это неприятие выливалось в войны Запада против России, растянувшиеся на тысячу лет (правда, и русские отвечали тем же, будем справедливы!).

Третья часть книги рассказывает о методах нынешней русофобии: во-первых, это создание специального языка, которым пользуются средства массовой информации и академические круги. Во-вторых – создание образа злого гения, Владимира Путина, который вписывается в традиционную мифологию, согласно которой страшный, лохматый русский медведь послушен своему хозяину и угрожает Европе. Книга проанализирует современные события (включая украинский кризис) с точки зрения этих дремучих представлений и покажет, как удалось мобилизовать западную «софт-систему» против «злойной» России, готовящейся сожрать «чистую и невинную» Европу.

И наконец, в заключении я покажу, что категорическое неприятие российской инаковости происходит оттого, что западное самосознание так до конца и не сформировалось. Европе, рассеченной границами и переживающей кризис, необходим враг в образе России, чтобы почувствовать свое единение. Дабы обрести уверенность, Запад, подобно мачехе Белоснежки, то и дело вопрошает магическое зеркало. Но русское зеркало, в отличие от западного, не желает повиноваться и не устает повторять, что Европа – не самая

прекрасная страна в мире, а есть где-то на востоке, за тридевять земель, другая страна, которая куда как краше. Так что книга завершается ироничным переложением сказки про Белоснежку. Это своего рода пародия на глубокие и довольно запутанные отношения, которые связывают Европу и Россию.

Я вполне отдаю себе отчет в том, что коснулся запретной темы, которую старательно обходят европейские университеты. Те авторы, которых я цитирую в этой книге, говорили мне, что были вынуждены прервать свои изыскания, потому что их лишили финансирования. Я также вполне сознаю, что написал скорее журналистское досье, чем академическое исследование, которое мог бы осуществить профессор истории, возглавляющий престижную университетскую кафедру. Я ставил перед собой задачу рассмотреть возможные гипотезы и дать пищу для размышлений – но отнюдь не разрабатывать академическую концепцию.

Соответственно, я готов к тому, что подвергнусь яростной критике со стороны эрудитов, которые возьмутся оспаривать каждый пункт моего исследования, «неоправданные сопоставления» и «чересчур смелые обобщения». Кроме того, мне предстоит столкнуться с идеологическими теориями, которые будут всеми возможными способами доказывать, что Путин – кровожадный тиран, а Россия – империя зла, империя-захватчик, а посему их собственное поведение – лишь «реакция на русские провокации и пропаганду».

Но, как мне кажется, я заранее снял с себя часть обвинений, избегая делать то, что делают русофобы: выпячивать факты и мнения, которые подкрепляют «предвзятую позицию», и замалчивать другие факты и мнения – те, что эту «предвзятую позицию опровергают». Внимательное чтение книги докажет, что подобные обвинения по отношению ко мне безосновательны. Более того, претензии абсолютно оторваны от реальности, что доказывает, что коренятся они в глубинах коллективного подсознания. Многовековая всемирная история ненависти к России подтверждает мою

гипотезу. Надо было забраться в глубь веков, чтобы найти отправную точку подобной неприязни: это идея, что Запад лишь отвечает на изначальные антизападные или антиамериканские настроения русского общества и русского государства⁵.

Более того, каждое рассматриваемое событие, произошедшее в России, я сопоставлял с реакцией на него Запада и с критикой, которую оно вызывало, а также с аналогичным событием в западных странах. Также я привожу анализ этих событий, данный независимыми западными экспертами и нарочито игнорируемый и замалчиваемый западными средствами массовой информации и экспертами, выступающими против России. И наконец, когда ответственность за происходящее еще трудно установить (как в случае с Украиной), я ограничивался тем, что показывал, как претензии неизменно предъявляются к России, тогда как, если дело касается Запада, проблемы замалчиваются. Так что речь идет о своего рода войне, развязанной Западом и длящейся более тысячелетия, которую подогревают энергичные ответные меры России. (Ведь для любой войны нужно как минимум двое дерущихся!)

В сущности, русофобия, в отличие от англо- и германофобии, свойственной французам, сродни антисемитизму – хотя, разумеется, это далеко не одно и то же. Как и антисемитизм, русофобия не является временным явлением, связанным с определенными историческими событиями. Как и антисемитизм, она коренится прежде всего в мозгу, независимо от того, как на самом деле ведет себя объект

5. См. на эту тему: Anne L. Clunan, «The social Construction of Russia's Resurgence: Aspirations, Identity and Security Interests». Baltimor, *The Johns Hopkins University Press*, 2009.

Также см. Didier Chaudet, Florent Parmentier, Benoît Pélopidas, «L'empire au miroir: stratégies de puissance aux Etats-Unis et en Russie». Genève, *Droz*, 2007.

См. также отзыв Флорана Пармантье (Florent Parmentier) на книгу Андрея Цыганкова: «Andrei P. Tsygankov: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy». *Critique internationale*, 03.2010, № 48.

неприязни. Как и антисемитизм, русофобия стремится возвести в принцип отдельные негативные свойства предмета ненависти – в нашем случае, такие как варварство, деспотизм, территориальная экспансия. И тогда ненависть к нации становится вроде бы оправданной.

Русофобия имеет также религиозные корни, и временные рамки этого явления установить трудно. Зародившись в незапамятные времена, религиозная неприязнь то тлеет, то вспыхивает вновь – в зависимости от исторической и политической ситуации. Порой она вдруг стихает, перешагивает через несколько поколений, чтобы потом, по таинственным причинам, разгореться с новой силой. Временами она и вовсе исчезает, неожиданно уступая место симпатии и даже восхищению. Затем случается какой-нибудь инцидент, намерения противоположной стороны оказываются неправильно поняты, слова неверно истолкованы, рождается какая-нибудь нелепая легенда, вспыхивает конфликт на границе – и вот уже ненависть приходит на смену дружельюбию.

В конечном счете, как и антисемитские, и антимусульманские, и антиамериканские настроения, неприязнь к России имеет прочные геополитические основы. Принимая различные формы, захватывая народы и культуры, распространяясь на разные исторические периоды, русофобия коренится в Северном полушарии Земли, где сильны позиции католицизма и протестантизма. Зато Азия, Африка, Аравийский полуостров, Южная Америка никогда не страдали русофобией. Что касается китайцев и японцев, то у них с Россией были территориальные конфликты, нередко приводившие к войнам, но антирусские настроения им никогда не были свойственны и в их лексиконе даже нет соответствующих слов.

А вот Соединенные Штаты, имеющие с Россией общую границу, но никогда формально с ней не воевавшие и, более того, являвшиеся ее союзником в обеих мировых войнах, прониклись к ней беспрецедентной ненавистью на го-

сударственном уровне. Эту загадку мы также хотели бы попытаться разгадать в нашей книге. Так что к данному исследованию надо относиться снисходительно, как к первому опыту в новой области, который следует дополнить, развить и продолжить, дабы разрубить этот гордиев узел, мешающий развитию всего западного мира.

Невозможно сполна отблагодарить всех тех, кто помог мне в написании этой книги. Прежде всего, я хочу поблагодарить моего швейцарского издателя, Сержа де Палена, который близко к сердцу принял тему моего исследования и снабдил меня всевозможными справочными материалами и документами. Я благодарю также тех авторов, что поддерживали меня в процессе написания книги. Я признателен первопроходцам на пути исследования нелюбви к России, и эти первопроходцы – немаловажная деталь – почти все американцы или англичане. Англосаксы довели свою русофобию до высочайшей степени наукообразности и эффективности, а потом сами же начали ее хладнокровно анализировать и критиковать, увенчав свои изысканияписанием академических трудов, отвечающих самым строгим требованиям и критериям. Нужно отдать им должное⁶.

Я нахожусь также в неоплатном долгу по отношению к следующим людям: аргентинцу Эзекьелю Адамовски, к Джону Хоусу Глисону, Тройу Пэддоку, Андрею Цыганкову, Маршаллу По, Стивену Коэну, Фелиситас Макгилкрайст, Реймонду Тарасу, Иверу Нойману и Полу Сэндерсу, которые написали невероятно интересные исследования о различных формах русофобии⁷. В моем непосредственном

6. Ссылки на них вы найдете в разных главах этой книги. Особо стоит отметить финского автора Хейкки Луостаринена, исследователя финской русофобии: Heikki Luostarinen, «Finnish Russophobia: The Story of an Enemy Image». *Journal of Peace Research*, 26.02. Oslo, Sage Publication, 1989.

7. Реймонд Тарас пишет о «гипопсии», страхе, недоверии, заведомой подозрительности Запада по отношению к России. См. «Scapegoating Strangers: Contemporary politics of fear and hypopsia in Europe», School of Social and Political Science. *University of Edinburgh*, 04.2015. И все же термин «руссофобия» кажется более понятным.

окружении мне очень помогли Слободан Деспот и Марко Деспот, Эрик Хёсли, Габриэль Галис и Жорж Нива – они давали мне неоценимые советы или высказывали весьма полезные критические замечания. Кроме того, мне очень помог журнал «Монд дипломатик», а также блог Жака Сапира, всегда дающий самые свежие новости, равно как и более оппозиционный сайт Вайнярда Сейкера.

И наконец, я посвящаю эту книгу моим собратьям по перу, журналистам, которые, несмотря на трудности и опасности, встающие на их пути, продолжают добросовестно исполнять свой профессиональный долг, стараясь не кривить душой и оставаться в ладу со своей совестью. Я хочу почтить также память 64 профессиональных журналистов, 6 других сотрудников СМИ и 19 блогеров, убитых в 2015 году⁸. Их пример напоминает нам, что за свободу слова нам может мстить не только внешний враг, угроза может исходить изнутри нашего с вами мира.

8. Статистика приводится на сайте организации «Репортеры без границ» www.rsf.org.